

Alexandre
DUMAS-PÈRE
1802–1870

Александр
ДЮМА

Королева Марго

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 96

Перевод с французского Евгения Корша
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-13761-5

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК ГЕРЦОГА ГИЗА

Восемнадцатого августа 1572 года был понедельник, но в Лувре справляли большое празднество.

Ярко светились обычно темные окна старинного королевского жилища, а соседние улицы и площади, как правило пустевшие, едва лишь колокол на церкви Сен-Жермер-Л'Озерау бил девять часов вечера, кишели теперь народом даже в полночь.

Густая, грозная, шумливая толпа напоминала темное зыблущееся море, откуда неслся рокот набегавшего прибоя; людские волны, прорываясь сквозь улицу Фосе-Сен-Жермер и улицу Астриус, заливали набережную, приливали к стенам Лувра и отливали к цоколю Бурбонского дворца, стоявшего напротив.

Несмотря на королевский праздник, а может быть, и по его причине, что-то грозное чувствовалось в толпе народа, который присутствовал на нем как посторонний зритель, но твердо верил, что этот праздник лишь пролог к другому, отложенному на неделю торжеству, где сам народ будет желанным гостем и разгуляется вовсю.

Королевский двор праздновал свадьбу Маргариты Валуа, дочери покойного короля Генриха II и сестры царствующего короля Карла IX, с Генрихом Бурбоном, королем Наваррским. Утром кардинал Бурбонский, совершив брачный обряд, установленный для наследниц французского царствующего дома, обвенчал брачующих-

ся на помосте, воздвигнутом перед воротами собора Парижской Богоматери.

Этот брак изумил всех, а людей, способных видеть глубже, заставил сильно призадуматься; сближение двух таких ненавистных друг другу партий, какими были в это время протестантская и католическая партии, казалось невозможным. Спрашивалось, как может молодой принц Конде простить брату короля, герцогу Анжуйскому, смерть своего отца, убитого в Жарнаке капитаном Монтестью, или как молодой герцог Гиз простит адмиралу Колиньи смерть своего отца, убитого в Орлеане дворянином-гугенотом Польтро де Мере. Больше того: королева Жанна Наваррская, мужественная супруга безвольного Антуана Наваррского, сосватавшая своего сына за Маргариту Валуа, умерла каких-нибудь два месяца тому назад, и о причине ее внезапной смерти ходили подозрительные слухи. Повсюду говорили шепотом, а кое-где и громко о том, что королеве Жанне стала известна какая-то страшная тайна и что Екатерина Медичи, боясь разоблачений, отравила королеву Жанну ядовитыми душистыми перчатками, которые ей изготовил некий флорентиец по имени Рене, большой мастер на дела такого рода. Распространению и утверждению всех этих слухов способствовало то обстоятельство, что после смерти королевы двум медикам, в том числе и знаменитому Амбразу Паре, было поручено, по просьбе ее сына, вскрыть и обследовать тело королевы, но не касаться мозга. А так как Жанна была отравлена посредством запаха, то лишь в мозгу умершей могли быть обнаружены следы содеянного преступления. Именно преступления, поскольку никто не сомневался, что здесь имело место злодеяние.

Но это далеко не все: сам король Карл неуклонно, почти настойчиво, стремился устроить этот брак, который должен был не только установить мир в королевстве, но и привлечь в Париж всех видных протестантских главарей. Так как жених был протестант, а невеста ка-

толичка, то требовалось испросить разрешение на брак у Григория XIII, в то время занимавшего папский престол. Разрешение задерживалось, и это сильно беспокоило Жанну д'Альбре, которая однажды в разговоре с Карлом выразила опасение насчет того, что разрешение, пожалуй, не придет совсем; но король ответил:

— Милая тетушка, не беспокойтесь, вас я уважаю более, чем папу, а сестру люблю больше, чем боюсь его. Я не гугенот, но и не дурак, и если господин папа задумает, то я сам возьму за руку Марго и поведу ее венчаться с вашим сыном по протестантскому обряду.

Из Лувра эти слова разнеслись по городу, очень обрадовали гугенотов, сильно озадачили католиков и вызвали среди последних тайные разговоры о том, изменит ли им король на самом деле или разыгрывает комедию, которая в один прекрасный день или прекрасную ночь закончится неожиданной развязкой.

Что было особенно непостижимо — это отношение Карла IX к адмиралу Колиньи, который в течение пяти или шести лет вел ожесточенную войну против короля: до этого сближения король назначил пятьдесят тысяч экю золотом в награду за голову адмирала, теперь же чуть не клялся его именем, называл своим *отцом* и во всеуслышание заявлял, что только одному ему поручит ведение предстоящей войны во Фландрии; даже сама Екатерина Медичи, до сих пор направлявшая волю, действия, даже намерения молодого короля, начала тревожиться по-настоящему, и не без причины: дело в том, что Карл IX как-то в беседе с адмиралом о Фландрской войне заявил ему в порыве откровенности:

— Отец, тут есть одно обстоятельство, которое требует большой осторожности: как вам известно, королева-мать сует свой нос во все, но об этом деле пока не знает ничего; поэтому нам надо будет вести его скрытно — так, чтобы королева о нем даже и не подозревала, а то с ее сварливостью она нам все испортит.

Колиньи, при всем своем уме и опытности, все же не мог скрыть полностью оказанное ему королем доверие. В Париж он прибыл с крайней подозрительностью, да и когда выезжал из Шатийона, одна крестьянка молила его на коленях: «О добрый господин наш, не ездят ты в Париж; и тебя, и всех, кто поедет с тобой, ждет там смерть!» Но мало-помалу все подозрения рассеялись и у него, и у его зятя де Телиньи, к которому король проявлял самые дружеские чувства, звал его *братом*, как звал отцом адмирала, говорил ему «ты», чем отличал он только самых близких своих друзей.

В результате все гугеноты, за исключением нескольких угрюмых и недоверчивых людей, совершенно успокоились: смерть наваррской королевы стали приписывать воспалению легких, и в просторных залах Лувра толпились мужественные гугеноты, которым брак Генриха, их юного вождя, сулил неожиданно счастливый поворот судьбы. Адмирал Колиньи, Ларошфуко, принц Конде-сын, де Телиньи — словом, все главари партии торжествовали, видя, как были приняты, какой огромный вес приобретали в Лувре те самые люди, которых три месяца назад король и Екатерина Медичи собирались вешать на особых виселицах, повыше, чем простых убийц. Одного только маршала де Монморанси напрасно стали бы искать среди его собратий — его нельзя было ни заманить обещаниями, ни обмануть показными чувствами, и он засел у себя в замке д'Иль-Адан, извиняя свое отшельничество скорбью об отце, коннетабле Анн де Монморанси, которого убил из пистолета Роберт Стюарт в сражении при Сен-Дени. Но так как со времени этого события прошло более трех лет, а чувствительность была не в духе того времени, то каждый мог думать по поводу такого чрезмерно продолжительного траура что угодно.

К тому же все говорило против маршала де Монморанси: и королева, и король, и герцог Анжуйский, и герцог Алансонский — все замечательно радушно принимали своих гостей на этом королевском празднестве.

Сами гугеноты хвалили герцога Анжуйского, вполне заслуженно, за битвы при Жарнаке и Монконтуре, которые он выиграл, имея от роду неполных восемнадцать лет, — раньше, чем начали свои победы Цезарь и Александр Македонский, да и вообще оказывалось, что он выше этих победителей при Иссе и Фарсале. Герцог Алансонский посматривал на все взглядом ласковым и лживым; королева Екатерина сияла радостью и с приторной любезностью поздравляла Генриха Конде с недавнею его женитьбой на Марии Клевской; даже Гизы улыбались страшным врагам их рода, и герцог Майнцкий обсуждал с Таваном и адмиралом Колиньи предстоящую войну, которую были готовы объявить Филиппу II, королю Испанскому.

Среди гостей, разбившихся на группы, бродил, слегка потупив голову и вслушиваясь в разговоры, происходившие вокруг, юный брюнет лет девятнадцати, с умным взглядом, лукавою улыбкой, с орлиным носом, коротко подстриженными волосами, густыми бровями, едва пробившимися усиками и бородой. Этот молодой человек, успевший отличиться пока лишь в битве при Арнеле-Дюк, где храбро дрался, не щадя себя, а теперь принимавший поздравления со всех сторон, был любимый ученик адмирала Колиньи и герой сегодняшнего дня; совсем недавно, при жизни своей матери, он звался принц Беарнский, а после ее смерти наследовал титул — король Наваррский, пока не стал королем Франции — Генрихом IV.

Временами темное облачко вдруг омрачало его лоб: очевидно, он вспоминал смерть матери, умершей каких-нибудь два месяца тому назад, и был уверен больше всех в том, что смерть ее последовала от отравы. Но это облачко лишь проносилось легкой тенью, быстро расплывалось; оно набегало оттого, что люди, которые сейчас толпились около Генриха, заговаривали с ним и поздравляли, все были убийцами мужественной Жанны д'Альбре.

В то время как король Наваррский старался притвориться радушным и веселым, неподалеку от него стоял задумчивый, почти тревожный, молодой герцог Гиз и вел беседу с Телиньи. Герцогу повезло в жизни больше, нежели Беарнцу: в двадцать два года он пользовался почти такой же славой, как и отец его, могущественный Франсуа де Гиз. Он и по внешности был изящный вельможа, высокий ростом, с надменным, гордым взглядом, с такой природной величавостью, что, по мнению многих, все прочие вельможи в его присутствии казались мужиками. Несмотря на его молодость, вся католическая партия видела в нем своего вождя, так же как протестантская партия видела своего вождя в юном короле Наваррском.

Первоначально герцог Гиз носил титул герцога Жуанвильского и первое боевое крещение получил во время осады Орлеана под начальством своего отца, который и умер на его руках, указав на адмирала Колиньи как на своего убийцу.

Тогда же юный герцог, подобно Аннибалу, торжественно дал клятву: он клялся отомстить и адмиралу, и всей его семье за смерть отца, безжалостно и неусыпно преследовать врагов своей религии, обещал Богу стать его ангелом-воителем на земле до того дня, пока не будет истреблен последний еретик. Теперь же все с великим изумлением смотрели, как этот принц, обычно верный данному им слову, пожимает руки навек заклтым врагам своим и, дав умирающему отцу обет наказать адмирала смертью, теперь приятельски ведет беседу с его зятем.

Но мы уже сказали, что это был вечер, полный неожиданностей.

Действительно, если бы особо одаренный наблюдатель, способный видеть будущее, что людям, к счастью, не дано, и способный читать в душах, что, к несчастью, дано лишь Богу, вдруг очутился на этом торжестве, то

он, конечно, наслаждался бы самым любопытным зрелищем, какое только может нам представить вся летопись печальной человеческой комедии.

Но если такого наблюдателя не оказалось на галереях Лувра, зато он был на улице, где грозно раздавался его ропот и гневом искрились его глаза: то был народ, с его инстинктом, предельно обостренным ненавистью; он издали глядел на силуэты непримиримых врагов своих и толковал их чувства так же простодушно, как это делает прохожий, глаза в запертые окна зала, где танцуют. Музыка увлекает и ведет танцоров, а прохожий видит одни движения и, не слыша музыки, потешается над тем, как эти марионетки скачут и суетятся без видимой причины.

Музыкой, увлекавшей гугенотов, был голос их удовлетворенной гордости, а взоры парижан, сверкавшие во мраке ночи, были молниями ненависти, озарявшими грядущие события.

Во дворце же все было радостно по-прежнему и даже больше; по всему Лувру пронесся особенно ласкающий и мягкий говор, сопровождавший появление новобрачной: сняв подвенечный наряд, длинную вуаль и мантию, она входила в зал вместе с герцогиней Невэрской, самой близкой ее подругой, и с братом, Карлом IX, который вел ее за руку и представлял наиболее почетным из гостей.

Эта новобрачная — дочь Генриха II, Маргарита Валуа — была жемчужиной в короне Франции, и Карл IX, питавший к ней особенную нежность, обычно звал ее «сестричкою Марго».

Восторженная встреча была действительно заслужена юной наваррской королевой. Маргарите исполнилось едва лишь двадцать лет, но все поэты писали ей хвалебные стихи, сравнивая ее то с Авророй, то с Киферой. По красоте ей не было соперниц даже здесь, при таком дворе, где Екатерина Медичи старалась подбирать на роль

своих сирен самых красивых женщин, каких только могла она найти. Черноволосая, с замечательным цветом лица, чувственным выражением глаз, обрамленных длинными ресницами, с изящным алым ртом и стройной шеей, с роскошным гибким станом и с маленькими, детскими ногами в атласных туфельках — такой предстала Маргарита Валуа. Французы гордились тем, что их родная почва взрастила этот удивительный цветок, а иностранцы, побывав во Франции, возвращались к себе на родину ослепленные красою Маргариты, если им приходилось только повидать ее, и пораженные ее образованием, если им удавалось с ней поговорить. И в самом деле, Маргарита была не только самой красивой, но и самой образованной из современных женщин; вот почему нередко вспоминали фразу одного итальянского ученого, который был ей представлен, беседовал с ней целый час по-итальянски, по-испански, по-гречески и по-латыни и, выйдя от нее, восторженно сказал: «Побывать при дворе, не повидав Маргариту Валуа, — значит не увидеть ни Франции, ни французского двора».

Не было недостатка в похвалах и самому королю Карлу IX — известно, какими искусными ораторами были гугеноты. В эти речи ловко вплетались и намеки на прошедшее, и пожелания на будущее. Но Карл IX с хитрою улыбкой бледных губ давал на все подобные намеки один ответ:

— Отдавая Генриху Наваррскому мою сестру, я отдаю в ее лице и свое сердце всем гугенотам моего королевства.

Такой ответ на некоторых действовал успокоительно, у других он вызывал улыбку, допуская двусмысленное толкование: одно — как отеческое отношение короля ко всему народу, но Карл IX сознательно не собирался придавать своей мысли такую широту; другое толкование — обидное для новобрачной, для ее мужа, да и для самого Карла, поскольку его слова невольно вызывали в памяти глухие сплетни, которыми дворцовая хроника успе-

ла еще раньше испачкать брачные одежды Маргариты Валуа.

Как мы уже сказали, герцог Гиз беседовал с де Телиньи, но уделял беседе не все свое внимание: время от времени он оборачивался и кидал взгляд на группу дам, в центре которой блистала Маргарита Валуа. И всякий раз, когда взгляд наваррской королевы встречался со взглядом молодого герцога, тень набегала на ее красивый лоб, обрамленный, как ореолом, трепетным сверканием алмазных звезд, и во всей ее манере держать себя, выражавшей нетерпение и беспокойство, проглядывало желание что-то предпринять.

Старшая сестра ее, принцесса Клод, недавно вышедшая замуж за герцога Лотарингского, заметила тревожное настроение сестры и стала продвигаться к ней, чтобы узнать его причину, но в это время все гости расступились, давая дорогу королеве-матери, входившей под руку с молодым принцем Конде, и оттеснили принцессу Клод далеко от ее сестры. Герцог Гиз воспользовался общим движением толпы, чтобы подойти поближе к герцогине Невэрской, своей невестке, а вместе с тем и к Маргарите. В ту же минуту герцогиня Лотарингская, не терпящая из виду своей сестры, заметила, как тень тревоги на ее челе сразу исчезла, а щеки ярко вспыхнули румянцем. Когда же герцог, все ближе продвигаясь сквозь толпу, наконец оказался в двух шагах от Маргариты, она, еще не видя этого, почувствовала его близость и, сильным напряжением воли придав своему лицу выражение беспечного спокойствия, повернулась к герцогу.

Герцог почтительно приветствовал ее и, низко кланяясь, тихо сказал ей по-латыни:

— *Ipse attuli*, — что означало: «Я принес», или: «Я сам принес».

Маргарита сделала реверанс и, выпрямляясь, ответила тоже по-латыни:

— *Nocti pro more*, — что означало: «Этой ночью, как всегда».

Эти милые слова, подхваченные ее плоским, очень широким и тугим воротником, как воронкой рупора, не были услышаны никем, кроме того, кому они предназначались. Но, несмотря на краткость разговора, все важное для них обоих было сказано, судя по тому, что, обменявшись этими словами, они расстались — Маргарита с мечтательным выражением лица, а герцог более веселый, чем до встречи. Но тот, кому бы следовало заинтересоваться происходившей сценой больше всех, то есть король Наваррский, не обратил на нее ни малейшего внимания, — глаза его в то время не видели уже ничего, кроме одной женщины, собравшей вокруг себя почти такой же многочисленный кружок, как и Маргарита Валуа, — эта женщина была красавица мадам де Сов.

Шарлотта де Бон-Санблансе, внучка несчастного Санблансе и жена Симона де Физ, барона де Сов, была придворной дамой Екатерины Медичи и самой опасной ее помощницей в тех случаях, когда Екатерина, не решаясь опохмелить врага флорентийским ядом, старалась опьянить его любовью: блондинка небольшого роста, то искривившаяся жизнью, то грустно томная, но всегда готовая к интриге и любви, двум основным занятиям придворной жизни при трех французских королях, сменившихся на троне за пятьдесят последних лет, — мадам де Сов была женщина в полном смысле слова, во всем обаянии этого создания природы, начиная с синих глаз, порой томных, порой блиставших внутренним огнем, до кончика ее игривых точеных ножек, обутых в бархатные туфли. Всего за несколько последних месяцев она успела овладеть всем существом короля Наваррского, едва вступившего на путь политики и любовных приключений; от этого и Маргарита Валуа с ее роскошной, царственной красой не вызывала даже простого восхищения в своем супруге. Одно обстоятельство поражало всех — поведение королевы-матери, странное даже для такой темной, таинственной души, как Екатерина Медичи: дело в том,

что королева-мать, неуклонно проводя план брачного союза между своей дочерью и королем Наваррским, в то же время почти открыто поощряла его любовь к мадам де Сов; однако, несмотря на эту сильную поддержку и вопреки свободным нравам той эпохи, красавица Шарлотта покамест не сдавалась, и это неслыханное, непостижимое сопротивление больше, чем ум и красота упрямыицы, возбудило в сердце пылкого Беарнца такую страсть, которая, не находя себе удовлетворения, вся ушла внутрь, изгнав из юной души Генриха застенчивость и гордость и даже главную черту его характера — беспечность, основанную частью на его мировоззрении, частью же на лени.

Мадам де Сов явилась в бальный зал лишь несколько минут тому назад; с досады или с огорчения, но, как бы то ни было, первоначально она решила не присутствовать при торжестве своей соперницы и под предлогом нездоровья отправила в Лувр мужа, занимавшего пост государственного секретаря уже пять лет, одного. Но Екатерина Медичи, заметив, что барон де Сов вошел один, спросила у него, почему отсутствует ее любимица; узнав, что причина — всего лишь легкое недомогание, она написала мадам де Сов записку с предложением явиться, и баронесса поспешила исполнить ее требование. Генрих Наваррский, сначала очень огорченный отсутствием мадам де Сов, все же почувствовал себя свободнее, когда заметил одиноко входившего барона; не ожидая ее встретить, Беарнец с грустным вздохом уже собрался подойти к той милой женщине, которую он обязался если не любить, то почитать своей женой, как вдруг увидел в дальнем конце одной из галерей мадам де Сов, — он замер на месте, не спуская глаз с этой Цирцеи, приковавшей его к себе волшебной цепью, и, после некоторого колебания, вызванного скорее неожиданностью, чем осторожностью, пошел навстречу баронессе.

Придворные видели, что король Наваррский идет к красавице Шарлотте, и, зная, как пылко его сердце,

любезно удалились, чтоб не мешать их встрече; случилось так, что Генрих подошел к мадам де Сов в то время, когда Маргарита Валуа и герцог Гиз обменивались уже известными читателю латинскими словами, тогда же и Генрих Наваррский, подойдя к мадам де Сов, завел с ней разговор, но на французском языке, вполне понятном, несмотря на примесь гасконского акцента, — разговор, во всяком случае, гораздо менее таинственный, чем первый.

— А-а! Милочка моя! — сказал он ей. — Вы здесь, оказывается, а мне сейчас сказали, будто вы больны, и я уже терял надежду вас увидеть!

— Ваше величество, не думаете ли убедить меня, что потеря этой надежды стоила вам дорого?

— Святой боже! Ну конечно! Разве вы не знаете, что днем вы мое солнце, а ночью — моя звезда? Честное слово, я чувствовал себя в потемках, но вот явились вы и сразу озарили все.

— В таком случае, ваше величество, я играю с вами злую шутку.

— Но почему же, милочка моя?

— Вполне понятно: когда имеешь власть над женщиной, самой красивой во всей Франции, можно желать только одного — чтобы исчез свет и наступил мрак, ибо во мраке ждет нас блаженство.

— Злая женщина, вам очень хорошо известно, что мое блаженство в руках только одной женщины, а эта женщина играет и тешится несчастным Генрихом.

— О-о! А мне вот кажется, что эта женщина была игрушкой и потехой для короля Наварры.

В первую минуту такое резкое неприязненное отношение испугало Генриха, но он сейчас же рассудил, что за этим скрывается досада, а досада — маска любви.

— Милая Шарлотта, честно говоря, ваш упрек несправедлив, и я не понимаю, как может такой красивый ротик говорить так зло. Неужели вы думаете, что в этот

брак вступаю я? Клянусь Святою пятницею — нет! Это не я.

— Уж не я ли? — ответила она с колкостью, если можно назвать колкостью слова женщины, которая вас любит и упрекает за то, что вы не любите ее.

— И этими прекрасными глазами вы видите так плохо? Нет, нет, не Генрих Наваррский женится на Маргарите Валуа.

— Но тогда кто же?

— О, святой боже! Да реформатская церковь выходит замуж за папу, вот и все.

— Ни-ни, ваше величество, меня не ослепить блеском остроумия, нет: ваше величество любит королеву Маргариту, и это не упрек, боже сохрани! Она так хороша, что невозможно не любить ее.

Генрих задумался на минуту, и, пока он размышлял, добрая улыбка заиграла в уголках его губ.

— Баронесса, мне кажется, вы ищете предлога, чтобы поссориться со мной, но у вас нет на это права: послушайте, сделали вы хоть что-нибудь, что мне мешало бы жениться на Маргарите? Ничего! Наоборот, вы занимались только тем, что приводили меня в отчаяние.

— И благо мне, ваше величество!

— Это почему?

— Конечно так, ведь вы сегодня соединяетесь с другой.

— Но оттого, что вы меня не любите.

— А если б я полюбила вас, мне через час пришлось бы умереть.

— Умереть? Что это значит? И почему — через час, и от какой причины?

— От ревности... Через час королева Наваррская отпустит своих придворных дам, а ваше величество — своих придворных кавалеров.

— Послушайте, милочка моя, вас в самом деле так удручает эта мысль?

— Этого я не говорила. А сказала: если б я любила вас, то эта мысль удручала бы меня ужасно.

— Хорошо! — воскликнул Генрих, обрадованный ее первым признанием в любви. — Ну а если сегодня вечером король Наваррский не отпустит своих придворных кавалеров?

— Сир, — промолвила мадам де Сов, глядя на короля с изумлением, на этот раз совершенно непритворным, — вы говорите о том, что невозможно, а главное — чему нельзя поверить.

— Как нужно поступить, чтобы вы поверили?

— Доказать делом, а вы не можете мне дать такого доказательства.

— Отлично, мадам, отлично! Клянусь святым Генрихом! Я дам вам это доказательство! — воскликнул Генрих, обжигая молодую женщину горящим взглядом пламенной любви.

— О! Ваше величество! — тихо произнесла баронесса, опуская глаза. — Я... Я не понимаю... Нет, нет! Нельзя бежать от счастья, которое вас ждет.

— Моя прелесть, в этом зале — четыре Генриха: Генрих Французский, Генрих Конде, Генрих Гиз, но только один Генрих Наваррский.

— И что же?

— А вот что: если Генрих Наваррский всю ночь проведет у вас?..

— Всю ночь?..

— Да, — убедит ли это вас, что у другой он не был?

— Ах, сир, если вы сделаете так!.. — воскликнула на этот раз мадам де Сов.

— Так и сделаю, честное слово дворянина!

Мадам де Сов подняла на короля глаза, полные страстных обещаний, и улыбнулась ему такой улыбкой, что сердце Генриха забилося от радости и упоения.

— Посмотрим, — продолжал Генрих, — что вы скажете тогда?

— О, тогда, ваше величество, тогда скажу, что я действительно любима вами.

— Святая пятница! Вы это скажете, потому что так оно и есть.

— Но как же это сделать?

— Ах, боже мой! Неужели, баронесса, у вас нет какой-нибудь камеристки, горничной, служанки, на которую вы могли бы положиться?

— О да! У меня есть моя Дариола, которая так предана мне, что даст себя изрезать на куски ради меня: настоящее сокровище.

— Скажите этой девице, баронесса, что я ее озолочу, как только, согласно предсказанию астрологов, стану королем Франции.

Шарлотта улыбнулась, потому что в это время установилось невыгодное мнение о гасконских обещаниях Беарнца.

— Ну хорошо! Чего же вы хотите от Дариолы?

— Того, что ей не стоит ничего, а для меня — все.

— А именно?

— Ведь ваши комнаты над моими?

— Да.

— Пусть она ждет за вашей дверью. Я тихо стукну в дверь три раза; она откроет, и вы получите то доказательство, какое я вам обещал.

Несколько секунд мадам де Сов молчала; потом повела вокруг себя глазами, как бы желая убедиться, что никто их не подслушивает, и на мгновение остановила взор на группе дам, окружавших королеву-мать; это было действительно мгновение, но его было достаточно, чтобы Екатерина и эта приближенная к ней дама обменялись взглядом.

— А вдруг у меня явится желание уличить ваше величество во лжи? — сказала мадам де Сов голосом сирены, растопившим воск в ушах Улисса.

— Попробуйте, милочка моя, попробуйте.

— Говоря честно, мне очень трудно победить в себе это желание.

— Так пусть оно победит вас: женщины никогда не имеют такой силы, как после поражения.

— Сир, когда вы будете французским королем, я вам припомню ваше обещание Дариоле.

Генрих Наваррский даже вскрикнул от восторга.

Замечательно, что радостное восклицание вырвалось у Генриха в то самое мгновение, когда Маргарита Валуа ответила герцогу Гизу латинской фразой:

— *Noctu pro more.*

Так Генрих Наваррский и Генрих Гиз одновременно — и оба радостные — расстались со своими дамами, один — с Шарлоттой де Сов, другой — с Маргаритой Валуа.

Спустя час после двух этих разговоров король Карл и королева-мать ушли в свои покои; почти сейчас же залы Лувра начали пустеть и в галереях стали видны базы мраморных колонн. Четыреста дворян-гугенотов проводили адмирала и принца Конде сквозь народную толпу, недовольно ворчавшую им вслед. После них вышли герцог Гиз, лотарингские и другие вельможные католики, приветствуемые радостными криками и рукоплесканиями народа.

Что касается Маргариты Валуа, Генриха Наваррского и мадам де Сов, то они жили в самом Лувре.

II

СПАЛЬНЯ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ

Герцог Гиз проводил свою невестку, герцогиню Невэрскую, до ее дома на улице дю Шом, что против улицы де Брак, и, оставив герцогиню на попечение ее слуганок, пошел в свои покои, чтобы переодеться, взять ночной плащ и короткий с острым кончиком кинжал, который носил название «дворянская честь» и прицеплялся

вместо шпаги. Но, взяв со стола кинжал, герцог заметил маленькую записку, всунутую между ножнами и клинком. Он развернул бумажку и прочел: «Надеюсь, что герцог Гиз не пойдет обратно в Лувр сегодня ночью; если же пойдет, то пусть наденет на всякий случай добрую кольчугу и захватит шпагу».

— Так! Так! — произнес герцог, оборачиваясь к своему лакею. — Вот, дядюшка Робен, какое странное предупреждение. А теперь будьте добры сказать мне, кто входил сюда в мое отсутствие.

— Только один человек.

— А именно?

— Месье Дю Гаст.

— Так! Так! То-то я вижу — рука знакомая. А ты наверно знаешь, что приходил Дю Гаст? Ты его видел?

— Даже больше, я с ним разговаривал.

— Хорошо, слушаюсь его совета. Мою шпагу и короткую кольчугу!

Лакей, уже привыкший к таким переодеваниям, принес то и другое. Герцог надел кольчугу из таких тоненьких колечек, что стальная ткань казалась не толще бархата; поверх кольчуги надел камзол, трико с пуфами и колет — серые с серебром, — любимое им сочетание цветов, натянул высокие сапоги, доходившие до половины ляжек, накрыл голову черным бархатным беретом без пера и драгоценных украшений, потом закутался в широкий темный плащ, прицепил к поясу кинжал и, отдав шпагу своему пажу, составлявшему теперь всю его свиту, пошел по направлению к Лувру.

Когда он только переступал через порог своего дома, звонарь на Сен-Жермен-Л'Озерау прозвонил час ночи.

Несмотря на поздний час и опасность ночных прогулок в те времена, смелый герцог совершил свой путь без всяких приключений и подошел здоров и невредим к огромному массиву Лувра, где все огни уже погасли один вслед за другим, страшному теперь своим молчанием и тьмою.

Перед королевским замком тянулся глубокий ров, на который и выходили почти все комнаты высокопоставленных особ, живших в Лувре. Покои Маргариты находились в нижнем этаже. Туда нетрудно было бы проникнуть, если бы не ров, вырытый на такую глубину, что нижний этаж оказывался на высоте почти тридцати футов, а следовательно — вне досягаемости для воров или любовников; однако герцог Гиз решительно спустился в ров.

В ту же минуту скрипнуло одно из окон в нижнем этаже. На окне была железная решетка, но чья-то рука вынула один из прутьев, заранее подпиленный, и в это отверстие спустила шелковый шнурок.

— Жийона, это вы? — тихо спросил герцог.

— Да, ваша светлость, — еще тише ответил женский голос.

— А Маргарита?

— Ждет вас.

— Хорошо.

Он сделал знак своему пажу; паж вынул из-под плаща и развернул узенькую веревочную лестницу. Герцог привязал к ее концу опущенный шнурок; Жийона подтянула лестницу к себе наверх и закрепила; герцог, прицепив шпагу, полез по лестнице и благополучно добрался до окна. Когда он скрылся в проделанном отверстии, железный прут решетки стал на место, и окно закрылось; тогда паж, раз двадцать сопровождавший герцога под эти окна, как только убедился, что его господину удалось благополучно проникнуть в Лувр, закутался в свой плащ и улегся спать тут же, под стеной, на травке, покрывавшей ров.

Погода была мрачная, из насыщенных электричеством желтовато-черных туч перепадали редкие крупные капли теплого дождя.

Герцог следовал за своей провожатой, которая была дочерью маршала Франции Жака де Монтиньон и поль-

зовалась исключительным доверием Маргариты Валуа, не имевшей от нее никаких тайн, а, по мнению некоторых лиц, в числе тайн, хранимых неподкупной верностью этой девицы, были такие страшные, что заставляли ее хранить все остальные.

Никакого света ни в нижних комнатах, ни в коридорах, лишь изредка голубоватый отблеск далекой молнии освещал мрачные покои и тотчас потухал.

Спутница герцога вела его за руку все дальше, и наконец они дошли до винтовой лестницы, проделанной в толще стены и упиравшейся в потайную дверь передней комнаты покоев Маргариты.

В этой комнате царил такой же беспросветный мрак, как и в других покоях нижнего этажа.

Жийона, войдя в переднюю, остановилась.

— Вы принесли то, что угодно королеве? — спросила она шепотом.

— Да, — ответил герцог Гиз, — но я отдам только ей самой.

— Не теряйте времени, входите, — раздался из темноты голос, при звуке которого герцог вздрогнул, узнав голос Маргариты.

Бархатная лиловая с золотыми лилиями портьера приподнялась, и герцог увидел в полумраке королеву, которая, не утерпев, вышла ему навстречу.

— Я здесь, мадам, — ответил герцог, быстро проходя под портьерой, которая тотчас упала за его спиной.

Маргарите Валуа пришлось теперь самой быть проводницей герцога в своих покоях, хотя и хорошо ему знакомых. Жийона осталась сторожить у двери и, приложив палец к губам, давала этим знать, что королева может быть спокойна.

Маргарита, как будто понимая ревнивые тревоги герцога, довела его до спальни и там остановилась.

— Что ж, вы довольны, герцог?

— Доволен? А чем, мадам, позвольте вас спросить?

— А доказательством того, — ответила Маргарита с оттенком раздражения, — что я принадлежу мужчине, который уже к вечеру в день свадьбы, в самую брачную ночь, забыл о моем существовании и даже не явился поблагодарить за честь если не моего выбора, то согласия назвать его моим супругом.

— О мадам, не беспокойтесь, он придет, а тем более если вы сами этого хотите!

— Генрих! И это говорите вы, зная лучше всех, как это несправедливо! — воскликнула Маргарита Валуа. — Если б у меня было то желание, какое вы разумеете, разве просила бы я вас прийти сегодня в Лувр?

— Вы, Маргарита, просили меня явиться в Лувр для того, чтобы уничтожить все следы наших прошлых отношений, так как это прошлое живет не только в моем сердце, но и в том ларчике, который я принес.

— Разрешите, Генрих, сказать вам одну вещь, — ответила Маргарита, глядя пристально на герцога. — Вы мне напоминаете не владетельного князя, а школьника! Это я стану отрицать, что любила вас?! Это я стану гасить огонь, который, может быть, потухнет, но отблеск свой оставит навсегда?! Любовь женщин, занимающих такое положение, как я, может быть или светочем, или злым гением своей эпохи. Нет, мой герцог, нет! Вы можете оставить у себя и эти письма, и самый ларчик — мой подарок. Из всех писем, что в нем лежат, королева Маргарита требует только одно, да и то потому, что оно опасно в равной мере для вас и для нее.

— Все в вашем распоряжении; берите любое — какое вам угодно уничтожить.

Маргарита стала быстро рыться в ларчике, трепетной рукой перебрала в нем двенадцать писем, пробегая глазами только начало их, — было очевидно, что ей достаточно взглянуть на обращение, как в ее памяти сейчас же возникало и содержание письма; но, просмотрев все, она вдруг побледнела, перевела глаза на герцога и спросила:

— Месье, здесь нет того письма, которое мне нужно. Неужели вы потеряли его? Ведь... передать его...

— Мадам, какое письмо вам нужно?

— То, где я прошу вас немедленно жениться.

— Чтобы оправдать вашу неверность?

Маргарита пожала плечами:

— Нет, чтобы спасти вам жизнь. То письмо, где я предупреждала вас, что король заметил и нашу любовь, и мои старания расстроить предполагаемый ваш брак с инфантой Португальской, что он вызвал своего побочного брата, графа Ангулемского, и сказал ему, показывая на две шпаги: «Или вот этой ты убьешь герцога Гиза сегодня вечером, или вот этой я завтра же убью тебя». Где это письмо?

— Вот, — ответил герцог Гиз, вынимая из-за пазухи письмо.

Маргарита чуть не выхватила его у герцога, порывисто развернула, удостоверилась, что оно — то самое, вскрикнула от радости и поднесла к свече; бумага вспыхнула, и в один миг письма не стало; но королева не удовлетворилась этим и, словно боясь, что даже в пепле могут найти ее неосторожное предупреждение, растоптала и самый пепел.

Герцог Гиз все это время следил за лихорадочными движениями своей любовницы.

— Теперь, Маргарита, вы наконец довольны? — спросил он, когда все кончилось.

— Да, теперь вы женитесь на принцессе Порсиан, и благодаря этому брат Карл простит мою связь с вами; но он никогда бы не простил мне разглашение тайны, подобной той, какую я, из слабости к вам, была не в силах скрыть.

— Да, это правда, — ответил герцог Гиз, — в то время вы меня любили.

— Генрих, я вас люблю все так же и даже больше.

— Вы?

— Да, я. Я никогда так не нуждалась в преданном и бескорыстном друге, как теперь, — я, безземельная королева и безмужняя жена.

Молодой герцог грустно кивнул.

— Я говорила вам и повторяю, Генрих, что мой муж меня не только не любит, но презирает, даже ненавидит; впрочем, одно то, что вы находитесь у меня в спальне, лучше всего доказывает его презрение и ненависть ко мне.

— Мадам, еще не поздно: король задержался, отпуская своих придворных, и если не пришел еще, то явится сейчас.

— А я вам говорю, — воскликнула Маргарита с возрастающей досадой, — что король Наваррский не придет!

— Мадам, — сказала Жийона, приподняв портьеру, — мадам, король Наваррский вышел из своих покоев.

— О, я же знал, что он придет! — воскликнул герцог Гиз.

— Генрих, — решительно сказала Маргарита, сжимая руку герцога, — вы сейчас увидите, верна ли я своим словам и можно ли рассчитывать на то, что мною обещано. Войдите в этот кабинет.

— Мадам, лучше мне уйти, пока не поздно, а то при первой любовной ласке короля я выскочу из кабинета — и тогда горе королю!

— Вы с ума сошли! Входите же, входите, вам говорят, я отвечаю за все!

Она втокнула герцога в кабинет, и вовремя: едва успел он закрыть за собой дверь, как Генрих Наваррский, в сопровождении двух пажей, освещавших ему путь восемью восковыми свечами в двух канделябрах, переступил с улыбкой порог комнаты.

Маргарита сделала глубокий реверанс, чтобы скрыть свое смущение.

— Вы еще не легли спать? — спросил Беарнец с веселым и открытым выражением лица. — Уж не меня ли вы дожидались?

— Нет, месье, — ответила Маргарита, — ведь вы еще вчера сказали мне, что считаете наш брак только политическим союзом и никогда не позволите себе посягать на меня лично.

— Очень хорошо! Но это нисколько не мешает нам поговорить друг с другом. Жийона, закройте дверь и оставьте нас одних.

Маргарита, до этого сидевшая на стуле, встала и протянула руку по направлению к пажам, как бы приказывая им остаться.

— Может быть, позвать и ваших женщин? — спросил король. — Если изволите, я это сделаю, но должен вам признаться — мой разговор с вами касается таких вещей, что я бы предпочел свидание с глазу на глаз.

И король Наваррский направился к двери кабинета.

— Нет! — воскликнула Маргарита, стремительно преграждая ему путь. — Нет, не надо, я выслушаю вас.

Беарнец теперь знал все, что ему нужно было знать; он быстро, но зорко взглянул на кабинет, точно хотел проникнуть взором сквозь портьеру до самых темных уголков его, затем перевел взгляд на бледную от страха красавицу-жену.

— В таком случае, — сказал он, — поговорим спокойно.

— Как будет угодно вашему величеству, — ответила она, почти падая в кресло, на которое указал ей муж.

Беарнец сел рядом с ней.

— Мадам, — продолжал он, — пусть там болтают что угодно, но, по-моему, наш брак — добрый брак. Во всяком случае, я — ваш, а вы — моя.

— Но... — испуганно произнесла Маргарита.

— Следовательно, — продолжал Беарнец, как бы не замечая ее смущения, — мы обязаны быть добрыми союзниками, ведь мы сегодня перед Богом дали клятву быть в союзе. Не так ли?

— Разумеется, месье.

— Мадам, я знаю, как вы прозорливы, и знаю, сколько опасных пропастей бывает на дворцовой почве; я молод, и, хотя никому не делал зла, врагов у меня много. Так вот, к какому лагерю я должен отнести ту, которая перед алтарем клялась мне в добрых чувствах и носит мое имя?

— О месье, как вы могли подумать...

— Я ничего не думаю, мадам, я лишь надеюсь и хочу только убедиться, что моя надежда имеет основания. Несомненно одно: наш брак — или политический ход, или ловушка.

Маргарита вздрогнула, и возможно, потому, что эта мысль приходила в голову и ей.

— Итак, какой же лагерь — ваш? — продолжал Генрих Наваррский. — Король меня ненавидит, герцог Анжуйский — тоже, герцог Алансонский — тоже, Екатерина Медичи настолько ненавидела мою мать, что, конечно, ненавидит и меня.

— Ах, месье, что вы говорите?!

— Только истину, мадам, и если думают, что меня сумели обмануть относительно убийства де Муи и отравления моей матери, то я не хочу, чтобы так думали, и был бы поэтому не прочь, если бы здесь оказался кто-нибудь еще, кто мог бы меня слышать.

— Что вы! Вы прекрасно знаете, что здесь нас только двое: вы и я, — ответила она быстро, но как можно спокойнее и веселее.

— Поэтому-то я и пускаюсь в откровенность, поэтому-то и решаюсь вам сказать, что я не обманываюсь ни ласками царствующего дома, ни ласками семейства лотарингских герцогов.

— Сир! Сир! — воскликнула Маргарита.

— В чем дело, моя крошка? — улыбаясь, спросил Генрих.

— А в том, что такие разговоры очень опасны.

— С глазу на глаз? Нисколько. Так я вам говорил...

Для Маргариты это было пыткой; ей хотелось остановить короля на каждом слове; но Генрих с нарочитой искренностью продолжал речь:

— Да! Так я вам говорил, что угроза нависла надо мной со всех сторон; мне угрожают и король, и герцог Алансонский, и герцог Анжуйский, и королева-мать, и герцог Гиз, и герцог Майнцский, и кардинал Лотарингский — словом, все. Такие вещи чувствуешь инстинктивно, вы это понимаете, мадам. И вот от всех этих угроз, готовых обратиться в прямое нападение, я мог бы защитить себя при вашей помощи, потому что как раз те люди, которые меня не переносят, любят вас.

— Меня? — спросила Маргарита.

— Да, вас, — ответил очень добродушно Генрих. — Вас любит король Карл; вас любит, — подчеркнул он, — герцог Алансонский; вас любит королева Екатерина; наконец, вас любит герцог Гиз.

— Месье... — чуть слышно выговорила Маргарита.

— Ну да! Что же удивительного, если вас любят все? А те, кого я назвал, — ваши братья или родственники. Любить же своих родных и своих братьев — значит жить в духе Божиим.

— Хорошо, но к чему вы клоните весь этот разговор? — спросила совершенно подавленная Маргарита.

— А я уже сказал, к чему: если вы станете моим — не скажу — другом, но союзником, — мне ничто не страшно; в противном случае, если и вы будете моим врагом, я погибну.

— Вашим врагом? О, никогда! — воскликнула Маргарита.

— Но другом — тоже нет?

— Возможно — да.

— А союзником?

— Наверно!

Маргарита повернулась к королю и протянула ему руку.

Генрих взял ее руку, учтиво поцеловал и удержал в своих руках не столько из чувства нежности, сколько преследуя другую цель: более непосредственно чувствовать душевные движения Маргариты.

— Хорошо, я верю вам, мадам, и почитаю вас своим союзником. Итак, нас поженили, хотя мы друг друга и не знали, и не могли любить; женили, не спрашивая тех, кого женили; следовательно, у нас нет взаимных обязательств мужа и жены. Как видите, мадам, я иду навстречу вашему желанию и подтверждаю то, что говорил вам и вчера. Но союз мы заключаем добровольно, нас к нему никто не вынуждает, наш союз — это союз двух честных людей, обязанных поддерживать и не бросать друг друга; вы сами так ли понимаете его?

— Да, месье, — подтвердила Маргарита и попыталась высвободить свою руку.

— Хорошо, — продолжал Беарнец, не спуская глаз с двери кабинета, — а так как лучшим доказательством честного союза является полное доверие, то я сейчас вас посвящу подробно во все тайны плана, который я себе составил, чтобы успешно противостоять всем этим враждебным силам.

— Месье... — пролепетала Маргарита, оглядываясь на кабинет, что вызвало скрытую улыбку у Беарнца, довольного успехом своей хитрости.

— И вот что я собираюсь сделать, — продолжал Генрих, как будто не замечая ее смущения. — Я...

— Месье, — воскликнула она и, быстро встав, схватила короля за локоть, — дайте мне передохнуть: волнение... жара... я задыхаюсь.

Маргарита действительно побледнела и вся дрожала, едва удерживаясь на ногах, чтоб не упасть.

Генрих направился к отдаленному окну и растворил его. Окно выходило на реку.

Маргарита шла вслед за ним.

— Молчите! Молчите! Ради себя, сир, — чуть слышно произнесла она.

— Эх, мадам, — ответил Беарнец, улыбаясь своей особенной улыбкой. — Ведь вы же сами мне сказали, что мы одни.

— Да, месье, но разве вам не известно, что посредством слуховой трубки, пропущенной сквозь стену или потолок, можно слышать все?

— Хорошо, мадам, хорошо, — с чувством прошептал Беарнец. — Верно то, что вы не любите меня, но верно также то, что вы честная женщина.

— Как надо это понимать?

— Будь вы способны меня предать, вы дали бы мне договорить, потому что я выдавал только себя, а вы меня остановили. Теперь я знаю, что в кабинете кто-то есть, что вы неверная жена, но верная союзница, а в данное время, — добавил Беарнец, улыбаясь, — надо признаться, для меня гораздо важнее верность в политике, нежели в любви...

— Сир... — стыдливо вымолвила Маргарита.

— Ладно, ладно, об этом поговорим после, когда узнаем друг друга лучше. — И уже громко спросил ее: — Ну как, мадам, теперь вам легче дышится?

— Да, сир, да, — тихо ответила она.

— В таком случае, — продолжал он громко, — я не хочу вас больше утруждать своим присутствием. Я почел своим долгом прийти, чтоб изъявить вам все мое уважение и сделать первый шаг к нашей дружбе; соблаговолите принять их так же, как я их предлагаю, — от всего сердца. Спице спокойно, доброй ночи.

Маргарита посмотрела на мужа с чувством признательности, светившимся в ее глазах, и сама протянула ему руку, говоря:

— Согласна.

— На политический союз, искренний и честный? — спросил Генрих.

— Искренний и честный, — повторила королева.

Беарнец пошел к выходу, бросив на Маргариту взгляд, увлекший ее невольно как замороженную вслед за мужем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Латинский язык герцога Гиза	5
II. Спальня королевы Наваррской	20
III. Король-поэт	34
IV. Вечер 24 августа 1572 года	49
V. В частности — о Лувре, а вообще — о добродетели	59
VI. Долг платежом красен	70
VII. Ночь 24 августа 1572 года	82
VIII. Бойня	99
IX. Палачи	111
X. Смерть, обедня или Бастилия	127

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Боярышник у «Гробницы невинно убиенных»	143
II. Признания	156
III. Ключи открывают не только те двери, для которых сделаны	165
IV. Вторая брачная ночь	177
V. Чего хочет женщина, того хочет Бог	187
VI. Труп врага всегда пахнет хорошо	205
VII. Собрат мэтра Амбруаза Паре	219
VIII. Привидения	227

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Жилище мэтра Рене, парфюмера королевы-матери	239
II. Черные куры	253
III. Покои мадам де Сов	261

IV. Сир, вы станете королем	272
V. Новообращенный	278
VI. Переулок Тизон и переулок Клош-Персе	294
VII. Вишневый плащ	307
VIII. Маргарита	319
IX. Десница Божия	327
X. Письмо из Рима	334
XI. Выезд на охоту	341

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I. Морвель	349
II. Охота с гончими	354
III. Братство	364
IV. Благодарность короля Карла IX	373
V. Бог располагает	381
VI. Королевская ночь	394
VII. Анаграмма	403
VIII. Возвращение в Лувр	410
IX. Поясок королевы-матери	422
X. Мстительные замыслы	433
XI. Атриды	450

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I. Гороскоп	463
II. Признания	471
III. Послы	484
IV. Орест и Пилад	492
V. Ортон	502
VI. Гостиница «Путеводная звезда»	515
VII. Де Муи де Сен-Фаль	526
VIII. Две головы под одну корону	534
IX. Книга о соколиной охоте	548
X. Соколиная охота	557

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I. Павильон Франсиска I	568
II. Расследование	577
III. Актеон	588

IV. Венсенский лес	596
V. Восковая фигурка	604
VI. Незримые щиты	617
VII. Судьи	625
VIII. Испанские сапоги	636
IX. Часовня	645
X. Площадь Сен-Жан-ан-Грев	651
XI. Башня позорного столба	656
XII. Кровавый пот	666
XIII. Вышка Венсенской крепости	672
XIV. Регентство	677
XV. Король умер — да здравствует король!	683
XVI. Эпилог	689

Дюма А.

Д 96 Королева Марго : роман / Александр Дюма ; пер. с фр. Е. Корша. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 704 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-13761-5

«Королева Марго» — один из самых известных романов Александра Дюма, он столь же читаем и любим по всему миру, как «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо». Действие романа происходит в конце XVI века, во времена религиозных войн между протестантами (гугенотами) и католиками. Ради восстановления мира французскую принцессу, католичку Маргариту де Валуа выдают замуж за Генриха Наваррского, лидера гугенотов, несмотря на имеющуюся у нее любовную связь с герцогом де Гизом. Дальнейшие события разворачиваются стремительно, как то свойственно неподражаемым книгам Александра Дюма: захватывающие приключения, дворцовые интриги, любовные драмы, а также кровавая резня Варфоломеевской ночи — пожалуй, наиболее волнующее описание этого рокового события во всей мировой литературе.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР ДЮМА
КОРОЛЕВА МАРГО

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Станислава Кучепатова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.09.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
 www.ooompk.ru, www.ooompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-21949-02-R